

Тридцать шестой год правления Цию, период Шуанцзян.

Прошлой ночью снова прошел осенний дождь, и зима ощущалась все сильнее.

Гу Шэн подняла резной круглый табурет перед туалетным столиком и поставила его у окна, выходящего на юг. Ее маленькие белые пухлые ручки ухватились за подоконник, и она ловко взобралась на табурет на коленях, чтобы дотянуться до засова.

Она слегка улыбнулась, подняла руку и открыла засов, тихо и беззвучно приложив усилие, чтобы приоткрыть окно на три-пять цуней.

Свежий аромат цветов камфорного дерева ворвался в комнату, смешавшись с прохладным осенним ветром, мгновенно наполнив помещение и развеяв ее тонкие челки, словно принеся дыхание жизни в унылый северный двор.

Гу Шэн закрыла глаза и жадно вдохнула аромат цветов, узкая грудь ее поднялась навстречу ветру.

— Третья госпожа! Что вы делаете! — Шилю, отодвинув занавеску, ворвалась в комнату, быстро закрыла окно, повернулась и подхватила Гу Шэн, поставив ее обратно на низкий табурет у жаровни за ширмой, и строго посмотрела на нее. — В комнате с трудом нагрели воздух, вы не можете шалить!

Гу Шэн подняла голову, ее блестящие черные глазки, словно прозрачные косточки лонгана, смотрели на Шилю, моргая. Длинные ресницы трепетали, и она тонким, детским голоском сказала:

— От жаровни у меня кружится голова.

Шилю, услышав это, посмотрела на угли в жаровне, которые все еще потрескивали, наклонилась, взяла стоявший рядом веер и стала размахивать им, чтобы выгнать черный дым, хмурясь и жалуясь:

— Эти угли опять сырые дали! Мы, слуги главного двора, можем и потерпеть, но как они смеют обижать маленькую госпожу! Когда господин однажды придет и увидит это, он точно сдерет шкуру с этих надменных слуг из кладовой!

Гу Шэн сделала вид, что не понимает, и шутливо ответила:

— Отец не придет.

Шилю, услышав это, всполошилась, поднесла палец к губам, зашикая, и с испугом посмотрела на дверь, затем обернулась к Гу Шэн и сердито сказала:

— Госпожа, как вы можете быть такой неразумной! Такие глупости нельзя говорить, чтобы госпожа не слышала!

Гу Шэн пожала плечами, губы ее сложились в тонкую линию, а глаза, прищурившись, выражали готовность вести себя хорошо.

Шилю хотела еще что-то добавить, как более сильный порыв ветра проник в комнату через марлевую занавеску, заскрипев оконными рамами, и даже ширма не смогла остановить холод.

Гу Шэн поспешно воспользовалась моментом и снова вдохнула аромат, принесенный ветром.

Как же хочется выйти на улицу.

Шилу же поспешно встала на пути ветра, заслонив собой маленькое тело Гу Шэн, бережно защищая ее, чтобы она не продула, и с возмущением пробормотала:

— В переднем дворе и западном флигеле уже поставили европейские стекла, а нас, в главных покоях, приравнивали к слугам задних построек. Это точно наложница Шэнь опять нашептала господину что-то!

Гу Шэн не смогла сдержать смешка. Это явно было несправедливым решением ее подлеца-отца, который больше заботился о наложнице, чем о законной жене, но в итоге вину все равно свалили на незначительную наложницу, ведь господин всегда прав.

Или, скорее, виконт всегда прав.

Отец Гу Шэн был наследным виконтом, в семье было пять сыновей и четыре дочери, из которых второй сын был чистокровным наследником титула виконта, а вторая дочь и Гу Шэн были чистокровными наследницами титула яшмовой госпожи, что делало их одну из самых перспективных семей в столице.

Второй сын и вторая дочь были детьми наложницы Шэнь, а мать Гу Шэн родила только ее одну. И даже если господин немного их баловал, их влияние в доме едва ли могло сравниться с влиянием наложницы Шэнь.

Не говоря уже о том, что ее подлец-отец был полностью поглощен покоями наложницы Шэнь, оставив ее мать и ее саму в положении, почти не отличающемся от положения непризнанных наложниц.

Семь лет назад, когда династия Ся открыла свои порты, западная культура начала проникать в страну, и титулы виконта и яшмовой госпожи также были вестернизированы. Иностранцы называли дворян с титулом крови альфами, принцесс — омегами, а простолюдинов — бетами.

Как и в династии Ся, альфы ранжировались по уровню боевых способностей, а омеги — по качеству феромонов.

Чем выше уровень омеги, тем больше шансов, что она сможет произвести на свет более качественное потомство с альфой, а выделяемые ею феромоны способны довести высших альф до состояния течки и ускорить заживление ран.

Гу Шэн изначально испытывала некоторую симпатию к иностранцам, ведь они не разделяли титулы на герцогов, графов и виконтов, как это делали в Ся, а принцесс — на яшмовых госпож, госпож уезда и госпож волости, и даже простолюдинов делили на три уровня.

Такое деление людей на касты обрекало низших рабов на вечное бесправие.

Самые низкие рабы даже не могли появляться на рынке днем, чтобы не потревожить дворян, иначе их бы казнили на месте. Жизнь человека действительно была дешевле травы.

Но когда западная культура все больше проникала в Ся, Гу Шэн поняла, что заграничная луна не такая уж и круглая. Иностранцы тоже делили людей по расам, и даже разделяли альф и омег на уровни S, A, B, C и D, что было еще более детальным, чем в Ся.

Кроме того, Гу Шэн знала один секрет —

Следующий император Ся был сыном принцессы, присланной из Северной Европы для заключения брачного союза, и был смешанным альфой уровня SS, и, что самое удивительное, это была женщина-альфа.

Да, женщина-альфа уровня SS.

Брат Гу Шэн, виконт, был альфой уровня B, и в ее глазах он был уже невероятно сильным, поэтому ей было трудно представить, каким же должен быть альфа уровня SS.

Она и вторая дочь наложницы Шэнь были омегами, и пока они были на равных как яшмовые госпожи, конечно, в глазах ее подлеца-отца она ни в чем не могла сравниться со второй дочерью.

Если она не ошибалась, ее отец уже больше месяца не заходил в северные покои. Ей это было безразлично, но она жалела свою мать, которая все больше погружалась в уныние.

Зато вторая дочь наложницы Шэнь часто заходила в «собачью конуру» Гу Шэн, чтобы рассказать, какие податные шелка отец отдал наложнице Шэнь.

Гу Шэн никогда не заботилась о роскошных тканях, не из-за своего ментального возраста, превышающего возраст тела, а потому что она никогда не придавала значения этим предметам роскоши.

Одежда — даже из более простой ткани можно сделать что-то красивое, и для нее красота была главным.

Но она не могла терпеть пирожные и сладости, которые вторая дочь приносила с собой каждый раз!

Переродившись, она поняла, что даже с сильным духом невозможно сопротивляться инстинктам, присущим этому возрасту!

Каждый раз, когда вторая дочь при ней чавкала сладостями, если бы Гу Шэн не сдерживала себя, слюна, брызнувшая из ее рта, могла бы смыть эту девчонку за дверь!

Хотя обе дочери были яшмовыми госпожами, вторая дочь, благодаря предвзятости отца, была на голову выше нее.

Но Гу Шэн знала, что вскоре в столице начнется оценка уровней, и она со второй дочерью наконец определят, кто из них выше!

Результаты оценки она помнила очень хорошо.

Вторая дочь была омегой уровня A, что было невероятно высоким уровнем для омеги, почти что королевским.

Она помнила, как ее подлец-отец, узнав результат оценки второй дочери, чуть не залил свои одежды крокодиловыми слезами.

Ведь даже в день смерти матери Гу Шэн он, притворяясь, рыдал полдня, но ни одной слезы не проронил.

Однако в этой жизни Гу Шэн больше не будет, как в прошлой, прятаться в тени своей сестры-омеги уровня A, жалея себя и боясь два года, пока не дождется совершеннолетия, чтобы с

тревогой пройти оценку уровней.

Теперь она знала результат — она была омегой уровня S, оставив далеко позади двух отпрысков наложницы Шэнь, уровня A и C.

Гу Шэн, погруженная в воспоминания, сияла, и стоявшая рядом Шилю не могла сдержать улыбки, поправляя ее слегка пожелтевшие челки, и спросила:

— Третья госпожа, чему вы так радуетесь?

Гу Шэн очнулась, повернулась к Шилю, и только что наполненное решимостью будущее мгновенно исчезло.

Она вспомнила, что эта служанка, которая ухаживала за ней все это время, через два месяца будет забита до смерти в главном дворе, и сердце ее сжалось от боли.

Прошло слишком много времени, и она лишь смутно помнила, что Шилю погибла за полмесяца до ее дня рождения.

А сейчас ей было всего пять лет, и если бы не перерождение, она бы почти полностью забыла эту преданную и баловавшую ее служанку, и все, что происходило сейчас, было для нее совершенно новым.

За что же Шилю была наказана?

Гу Шэн не помнила точно, но, повзрослев, она слышала от матери, что Шилю была несчастной служанкой, которая отдала жизнь за нее и ее мать.

<http://bllate.org/book/16655/1526270>